

Белявский, А. М. Верификация теории экспертизы ценности документов / А. М. Белявский // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2012. — С. 170-180.

А. М. БЕЛЯВСКИЙ

ВЕРИФИКАЦИЯ ТЕОРИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ

Архивисту подобная формулировка темы покажется странной, и это само по себе уже будет указывать на ее необходимость. Чрезмерная консервативность теории архивного дела, вызванная естественной консервативностью его практики, к сегодняшнему дню привела к некоторой догматизации научных подходов, сложившихся еще в XIX в. Что же касается ситуации с архивоведением в Беларуси, то указанные причины в совокупности с целым рядом «местных» особенностей, таких как дефицит специалистов-теоретиков высокого уровня, и вовсе пока не позволили сформировать полноценную отечественную научную школу. Первым шагом на этом пути могло бы стать максимально возможное прояснение, *верификация* доставшейся нам в наследство от советской научной школы архивной теории и ее терминологического аппарата. Это не значит, конечно, что применение методов аналитической философии способно раз и навсегда решить все теоретические проблемы архивоведения. Скорее всего, абсолютная однозначность терминологии даже в такой узкой «специальной» сфере — недостижимая утопия. Однако ее по крайней мере ясность и логическая непротиворечивость — необходимый фундамент для дальнейшего развития дисциплины. Попытка верификации основных положений теории архивоведения должна в некотором смысле «расчистить поле» для дальнейших исследований, не говоря уже о том, что некоторую часть теоретических (а возможно, и практических) проблем она все-таки способна решить. Выбор в качестве отправной точки экспертизы ценности документов в значительной

Бяляўскі Аляксандр Міхайлавіч — дацэнт кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, дацэнт, кандыдат гістарычных навук.

степени субъективен (логичнее было бы начинать собственно с термина «архив»), и все же обращение к области, непосредственно знакомой автору не только в теории, но и на практике, представляется в достаточной степени оправдывающим подобную субъективность.

* * *

Прежде чем начать понятийный анализ теории экспертизы ценности документов, необходимо выяснить, является ли она действительно органичной частью архивной теории. Доводов о ее необходимости обычно приводится несколько. Первый и самый распространенный: **невозможность хранения всех создающихся документов** («Никакое общество не в состоянии хранить всю создаваемую им документацию» [1, с. 134]). С практической точки зрения этот довод, безусловно, серьезен, однако с теорией он напрямую не связан. Косвенно это подтверждал один из советских теоретиков архивоведения В. Н. Автократов, когда писал следующее: «Экспертиза ценности — не только начальный этап источниковедческого анализа, но и его особенная форма, решающая специфическое противоречие между теоретико-источниковедческим началом, опирающемся на представление о документе как о некоторой имманентной исторической ценности, и практической необходимостью отбора части документов. Если бы архивоведческая экспертиза смогла абстрагироваться от второй стороны вопроса, то ее развитие пошло бы, вероятно, в русле «чистого знания» о свойствах документов и она приобрела бы черты, схожие с дипломатикой. Однако реальность такова, что архивоведение не может отвлечься от необходимости рассматривать вопросы ценности в плане сравнения информационной значимости документов и их грубого деления на «ценные» и «неценные» [1, с. 138]. Таким образом, в качестве отправной точки рассуждения выбирается не идеальная, или нейтральная, ситуация («если бы...»), позволяющая нам формулировать *универсальную* теорию, а некая «реальность», единичная данность, заставляющая нас вводить в употребление относительные категории «ценного» и «неценного». Такая точка зрения обрекает нас на заведомо безнадежные попытки [7] создать универсальную теорию на основе единичных наблюдений.

Одним из непосредственных следствий такой теории становится, например, отказ учитывать интересы историков. В. Н. Автократов в свое время отразил эту позицию цитатой из Б. Г. Литвака: «Не экспертиза должна приноравливаться к неподдающимся предвидению потребностям исторической науки, а историческая наука должна быть точно ори-

ентрирована в объективной роли экспертизы — сохранить то, что отражает деятельность системы управления» [1, с. 137]. Это позволяет задать «неудобный» вопрос: кто же тогда он, тот приоритетный пользователь, в интересах которого отбираются для хранения в архивах документы? Ответ на него получается вполне однозначным — система управления. В этом случае происходит не только фактическое низведение государственных архивов до статуса ведомственных, но понижение самого архивоведения до уровня вспомогательной дисциплины, обслуживающей одну из подсистем в системе управления. Именно с таким положением вещей по-своему пытаются бороться некоторые российские коллеги, например Т. Н. Хорхордина [9]. Если архивоведение претендует на то, чтобы называться самостоятельной научной дисциплиной, его основные теоретические положения должны выводиться из определенных общенаучных посылок, а не из единичных практик.

Поскольку создаваемое количество документов в любом случае конечно, то *теоретически* этот конечный объем *может* быть сохранен в какой-либо конечной форме. Проблема должна заключаться либо в поиске такой формы, либо в выяснении того, *нужно* ли сохранять этот объем целиком. Однако, будучи однажды выдвинут, «довод невозможности» в дальнейшем превратился в некое подобие догмы, в исходный посыл, из которого в качестве следствия выводятся остальные доводы в пользу уничтожения документов, как практические, так и теоретические, и, таким образом, он стал тем основанием, на котором построена часть архивной теории, касающаяся экспертизы ценности документов.

Следующий довод в пользу необходимости экспертизы ценности: **затруднение поиска информации при накоплении больших массивов документов.** («Малоинформативный материал мешает работе с ценным, заслоняет ценное, грозит его потопить и растворить в своей колоссальной массе. В такой обстановке это практически “информационный шум”» [1, с. 137]). Этот довод, однако, плохо согласуется со взглядами, набирающими популярность в современном (российском) источниковедении (восходящими к А. С. Лаппо-Данилевскому), стремящемся к пониманию источника как целостного феномена [3]. Таким же целостным феноменом можно воспринимать и каждый архивный документ, и архивный фонд. С этих позиций разделение документов по критерию «информативность» принципиально невозможно (уязвимость подобного подхода с позиций источниковедения понимал и В. Н. Автократов, однако предлагавшееся им «усиление» выглядит еще более сомнительным, поскольку от достаточно относительного противопоставления «ценное —

неценное» ведет нас к еще более неопределенным категориям «безусловно ценного» и «условно ценного» [1, с. 137]). Любой документ в составе архивного фонда будет по-своему информативен — как часть структуры фонда и как уникальный исторический феномен. Его удаление из структуры неизбежно ведет за собой ее искажение, а значит, и разрушение исторического феномена, которым является сам фонд как целое. В этом смысле для документального или архивного фонда как исторического феномена теоретически губительна даже научно-техническая обработка, проводимая работниками государственной архивной службы, готовящими документы фонда к передаче на хранение в госархив, не являющимися фондообразователями. Например, в процессе обработки документов фондов ряда белорусских государственных учреждений 1990-х гг. сотрудники государственных архивов, как правило, сталкивались с плохо упорядоченной массой документов — во многих случаях это были даже не дела, а именно отдельные документы, сложенные на полках подвальных или чердачных помещений. Подобное состояние фонда, безусловно, не удовлетворяло современным требованиям к организации архивного фонда — тем не менее оно являлось исторически сложившейся структурой, которая сама по себе уже отражала организацию работы с документами в эти годы, состояние архивного дела, организацию работы ведомственных архивов, представляло определенную ступень в историческом развитии фонда. Обработка такой части фонда неизбежно приводила к разрушению этой структуры как путем удаления из нее «малоценных» документов, так и путем перераспределения документов в соответствии со структурой организации на момент создания документов (в некоторых случаях установленной гипотетически).

Тем не менее из приведенных здесь доводов именно второй представляется более обоснованным с теоретической точки зрения и заслуживающим дальнейшей проработки. Возможным ее результатом может стать преобразование экспертизы *ценности* в экспертизу *информативности*. Проблема удобной организации больших массивов информации может быть, по всей видимости, решена и на принципиально новых основаниях в условиях современного информационного общества.

Не следует рассматривать данные рассуждения как попытку найти доказательства ненужности экспертизы ценности документов — цель была в том, чтобы показать необходимость построения теории экспертизы на метатеоретических основаниях, не отталкиваясь от спонтанно сложившейся практики. Здесь не предлагается каких-либо конкретных путей решения указанных проблем, потому что для начала необходи-

мо другое: максимальное прояснение содержания *существующей* теории экспертизы ценности. В данном случае важным было выяснить, можно ли считать экспертизу ценности органически неотъемлемой частью архивной теории и практики.

В итоге представляется возможным сделать вывод о том, что данная процедура *в настоящее время* не является достаточно теоретически обоснованной, и обращение к ней становится своего рода крайней мерой, порожденной необходимостью сохранить некоторую часть документального комплекса в ситуации, когда его полное или частичное уничтожение становится условием независимой от архивиста реальности. Гипотетическое изобретение какого-либо способа сохранения всех существующих и образующихся документальных комплексов в полном объеме способно сделать экспертизу ненужной. Можно возразить, что подобный вывод не слишком оригинален — однако несомненно и то, что именно об этой теоретической необоснованности экспертизы регулярно забывают, рассматривая единичную ситуацию как универсальную, что препятствует разработке *действительно* универсальной теории.

Перейдем к основным понятиям. Первое из них, разумеется, сама «экспертиза ценности». Формулировка экспертизы ценности как *«определения научно-исторической, социально-культурной ценности и практической значимости документов с целью установления сроков их хранения и отбора на постоянное хранение»*, содержащаяся в Правилах работы государственных архивов Республики Беларусь (п. 118) [8, с. 61] и Основных правилах работы архивов центральных и местных органов государственной власти и управления, учреждений, организаций и предприятий Республики Беларусь (п. 4.1.1) [6, с. 26] обладает, как представляется, некоторой неясностью и противоречивостью. Рассмотрим ее с точки зрения требований логики к построению адекватных высказываний.

Во-первых, если слово «экспертиза» выступает в качестве имени некоего процесса, то уместно требовать, чтобы выражение, выдвигаемое как эквивалент имени, объясняло сущность процесса. Происходит ли так в данном случае? Выражение «определение ценности» скорее указывает на цель процесса, называемого экспертизой, чем раскрывает его сущность. В словаре русского языка С. И. Ожегова «экспертиза» определяется как «рассмотрение какого-н. вопроса экспертами для дачи заключения» [4, с. 832]. Сравним аналогичное определение в Основных правилах работы государственных архивов СССР: *«Экспертизой ценности документов называется изучение документов на основании принципов и критериев их ценности в целях определения сроков хранения доку-*

ментов и отбора их на государственное хранение» (п. 5.2.1) [5, с. 112]. Представляется, что слова «рассмотрение» и «изучение» точнее описывают данный процесс, чем «определение ценности». Справедливости ради, отметим, что «изучение» все же появляется далее в тексте главы отечественных Правил, посвященной экспертизе: «Экспертиза ценности документов начинается с изучения истории фондообразователя и фонда, состава и содержания документов» (п. 123) [8, с. 63]. Однако в таком выражении остается неясным, если экспертиза только *начинается* с изучения: какие еще операции она включает?

Во-вторых, установка отбора в качестве цели экспертизы не отвечает определению, в соответствии с которым *цель — это идеально положенный результат* (данное определение цели научного исследования присутствует в стандартных академических учебных пособиях по методологии науки [2, с. 39]). Отбор является процессом, так же как и изучение (экспертиза). Определяя один процесс целью другого, мы попадаем в бесконечный ряд. В данном случае более логичным представляется утверждение, что отбор документов для хранения — это *следующая* за экспертизой ценности операция, вызванная ее непосредственным результатом, установлением ценности документов.

В-третьих, в указанной формулировке присутствует противоречие с последующими пунктами Правил. Так, в п. 122 читаем: *«При проведении экспертизы ценности документов архивы руководствуются решениями ЦЭМК республиканского органа государственного управления по архивам и делопроизводству, ЭПК областных органов управления по архивам и делопроизводству, ЭМК архивов, перечнями документов с указанием сроков хранения»* [8, с. 62]. Выходит, что при проведении экспертизы, имеющей целью *установление* сроков хранения, архивы руководствуются уже установленными (решениями экспертных комиссий и перечнями) *обязательными* сроками хранения. Путаница получается в результате смешения понятий: имеющее место в архивной практике определение сроков хранения конкретных документов в соответствии с нормативно установленными типовыми сроками хранения для данного вида документов следует относить к операции отбора, а не экспертизы, поскольку в данном случае, как правило, не требуется полноценного изучения документов. Действительная экспертиза предшествует установлению типовых сроков или совершается в конкретных случаях при их отсутствии.

В результате наиболее ясным определением экспертизы представляется выражение: **«Экспертизой ценности документов называется изучение документов специалистами (экспертами) с целью установления ценности и**

необходимых сроков хранения документов». Левая и правая части выражения выступают как эквиваленты (как имя предложения и само предложение), а слово «называется» указывает на отношение между ними.

Далее следует прояснить содержание отдельных составляющих правой части данного определения и выразить их, по возможности, в виде аналогичных эквивалентностей. Для удобства мы будем присваивать им цифровые индексы в логическом порядке, в соответствии с которым каждый подпункт является объяснением предыдущего пункта.

Первое — определение того, кто может называться *экспертом*. В Правилах работы государственных архивов Республики Беларусь (п. 120) [8, с. 62] определены органы и учреждения, уполномоченные проводить экспертизу, но не дается определения эксперта. Вместе с тем очевидно, что не каждый сотрудник указанных органов и учреждений может выступать в таком качестве. Поэтому обоснованным было бы следующее утверждение: **1. «Экспертом в области установления ценности документов может считаться человек, имеющий высшее образование по специальности «архивоведение» и (или) специальности, прямо относящейся к изучаемому виду документов, и обладающий опытом работы в архивном учреждении и (или) учреждении соответствующего виду документов профиля».**

Экспертиза ценности является той сферой, в которой интересы архивоведения и источниковедения максимально сближаются. Предметом этого сближения становится методология изучения документов. Следовательно, наиболее ясным будет высказывание, определяющее сущность процесса изучения документов в терминах, соответствующих используемому в источниковедении: **2. «Изучение документов предполагает внешнюю и внутреннюю критику документов»; 2.1. «Под внешней критикой понимается установление значимости авторства, времени и места происхождения, физических свойств документов», 2.2. «Под внутренней критикой понимается установление значимости содержания документов», 2.3. «Внешняя и внутренняя критика документов проводится на основе критериев ценности, разработанных в рамках методологии определенной научной школы».** Существенной частью определения 2.3 является объяснение относительности критериев ценности их принадлежностью к определенной научной школе, вне рамок которой они могут терять свою актуальность. Именно принадлежность к марксистской школе делала легитимными утверждения наподобие «сам факт оценки предполагает приоритет документов безусловно важных перед менее важными, тем более вовсе незначительными» [1, с. 135]. Если мы откажемся от применения эволюционной теории в отношении социальной истории и

любых других теорий, приписывающих истории некую цель, то мы теряем и основы, на которых одни явления (и документы, их отражающие) приобретают приоритет перед другими. Следовательно, важность, или *значимость*, не является имманентным свойством документов. Она относительна, поскольку *устанавливается*, т. е. придается документам в соответствии с ценностной системой эксперта. Установленная значимость документов эквивалентна их ценности, и в данном случае эти понятия выступают в качестве синонимов.

Традиционно в качестве основы экспертизы ценности указываются *принципы и критерии*. Однако представляется, что ссылка на принципы в данном контексте может считаться избыточной, поскольку ничего не добавляет к определению сущности экспертизы в сравнении с критериями ценности. Обычно принципами называются исходные представления об объекте и методах исследования, лежащие в основе той или иной научной школы. Научная школа вырабатывает методы исследования и формулирует, помимо прочего, представления о ценности, которые и являются непосредственной основой экспертизы. Выражением представлений о ценности являются *критерии ценности*.

Определение того, что понимается под критериями, отсутствует и в советских, и в белорусских Правилах. Что касается определения В. Н. Автокротова («Критерии — логические единицы теории экспертизы, мерила ценности, выступающие в качестве определенных эталонов информационных качеств документа. Критерии-эталон выражают в обобщенном виде взгляды архивоведения на постоянную историческую ценность документов» [1, с. 141]), то оно, во-первых, не отличается ясностью, а во-вторых, апеллирует к позициям определенной научной школы, в рамках которой возможно утверждение о «постоянной» ценности, а значит, не может претендовать на универсальность. Вместо этого предлагаем следующие выражения: **2.3.1. «Критериями ценности называются возможные внешние или внутренние свойства документов, определяющие их относительную историческую или практическую значимость»;** **2.3.1.1. «Историческую значимость определяют свойства документов, позволяющие им выступать в качестве источников ретроспективной информации о человеке и обществе»;** **2.3.1.2. «Практическую значимость определяют свойства документов, позволяющие им выступать в качестве источников актуальной социальной, правовой, экономической и др. информации».** Поскольку формулировка самих критериев зависит от аксиологической позиции научной школы, в рамках которой они вырабатываются, а единство системы критериев необходимо для создания

общих основ комплектования архивов, то: **2.3.2. «В архивной практике критерии ценности, выработанные в рамках методологии доминирующей научной школы, закрепляются нормативно в целях обеспечения единства комплектования государственных архивных фондов и сохранности Национального архивного фонда».**

То, что сам по себе документ не обладает ценностью, но может приобретать ее (или терять) в связи с другими объектами окружающего мира, легко проиллюстрировать известным фактом: архивные документы, выброшенные немецко-фашистскими оккупантами во двор Академии наук БССР в 1941 г. после захвата Минска, обладали огромной ценностью для белорусских ученых, но ничего не значили для немецких солдат, а для населения окружающих кварталов их ценность свелась к возможности использования бумаги в качестве растопочного материала в холодную зиму. Значит, допустимым становится высказывание: **3. «Ценность документов, определенная в результате экспертизы, является относительной, а не абсолютной величиной, поскольку зависит от принятых критериев».** Помимо прочего, это определение предполагает, что не существует и документов, однозначно *не* ценных.

Сформулированные в рамках марксистской научной школы, многие из критериев ценности, применяемых в настоящее время, являются достаточно ненадежными с точки зрения других научных школ, приходящих на смену марксистской. Одной из самых уязвимых позиций во всей системе отечественной экспертизы ценности можно признать ее ориентацию на деятельность системы управления и так называемую общественно-политическую историю. Эта сфера, обладавшая безусловным приоритетом в условиях, существовавших в СССР (имеется в виду, в первую очередь, ограничение доступа к архивам рядовых граждан), в настоящее время уже не может признаваться смысловым центром исторических и, следовательно, архивных интересов. Круг потребителей архивной информации и их интересов сегодня значительно расширяется за счет тех самых «рядовых» граждан. Растет количество посетителей архивов, интересующихся персональной, генеалогической информацией, локальной историей и т. д. Не следует забывать и о возрастающем интересе современной мировой и отечественной исторической науки к наследию рядовых членов общества. Специально занимаются этими проблемами такие ее направления, как микроистория, устная история, история повседневности и др.

Кроме того, нельзя оставлять без внимания и такой важный аспект проблемы, как изменения в содержательной части некоторых видов

документов, например приказов и протоколов, которая все более и более формализуется, даже по сравнению с недавним прошлым. В результате такие виды документов все в меньшей степени способны выступать в качестве источников информации о *действительной* деятельности учреждений, в которых создаются. В свою очередь, это очевидно повышает информационную ценность других видов документов, в частности переписки и обращений граждан. Эти тенденции свидетельствуют о нарастающих противоречиях между двумя основными методами оценки документов, выделенными В. Н. Автократовым, — методом экспертных оценок и функциональным методом.

В современных условиях преобладает функциональный метод, что выражается в обязательном применении типовых и ведомственных перечней для отбора документов. Поэтому обоснованными представляются следующие утверждения: **4. «Сроки хранения документов определяются исходя из установленной исторической или практической значимости документов»;** **4.1. «Сроки хранения документов определяются, как правило, для всех документов одного вида и закрепляются в типовых и ведомственных перечнях, которые носят обязательный характер и являются основанием для отбора документов для хранения или уничтожения».**

Принципиально важным, как уже упоминалось выше, представляется аналитически отделить операцию отбора от операции экспертизы. Именно операция отбора лежит в основе современной научно-технической обработки документов: **4.1.1. «Отбором документов называются практические действия по выделению документов, сроки хранения которых определены перечнями, для передачи в государственный или ведомственный архив либо к уничтожению».** Производя отбор с использованием перечней, мы не осуществляем оценки документов — она уже сделана, — и поэтому нет необходимости в их детальном изучении. Для этой операции уже не требуется настолько высокая квалификация специалиста, как для экспертизы: **4.1.2. «Отбор документов могут производить кроме работников государственной архивной службы, также работники, отвечающие за делопроизводство и ведение ведомственного архива в учреждении».**

В результате получается система взаимно непротиворечивых высказываний / формулировок, универсально описывающих основные теоретические и практические положения экспертизы ценности документов, приемлемая (пригодная / отвечающая требованиям) равно как в качестве основы для дальнейших теоретических разработок, так и для практического применения в условиях существующих архивных реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автократов, В. Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения / В. Н. Автократов. М. : РГГУ, 2001.
2. *Берков, В. Ф.* Общая методология науки: учеб. пособие / В. Ф. Берков. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2001.
3. *Медушевская, О. М.* Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // *Медушевская, О. М.* Теория исторического познания: избранные произведения / О. М. Медушевская. СПб. : Изд-во «Университетская книга», 2010. С. 288—328.
4. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. Изд. 10-е стереотип.; под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Сов. энцикл., 1973.
5. Основные правила работы государственных архивов СССР (одобрены коллегией Главархива СССР 30.11.1983, приказ Главархива СССР от 07.12.1983 № 352) / под общ. ред. Ф. М. Ваганова, А. В. Елпатьевского, Ю. Г. Турищева, В. В. Цаплина. М. : Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1984.
6. Основные правила работы архивов центральных и местных органов государственной власти и управления, учреждений, организаций и предприятий Республики Беларусь (утверждены решением коллегии Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь от 30.04.1997 № 5) / авт.-разраб. С. В. Жумарь [и др.]. Минск : БелНИИДАД, 1997.
7. *Поппер, К.* Логика научного исследования / К. Поппер. М. : АСТ: Астрель, 2010.
8. Правила работы государственных архивов Республики Беларусь (утверждены постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 25.11.2005 № 7) / редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск : БелНИИДАД, 2006.
9. *Хорхордина, Т. И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди / Т. И. Хорхордина. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Основная идея статьи заключается в определении возможностей применения методов аналитической философии в исследовании теоретических проблем архивоведения на примере экспертизы ценности документов. На основе логического анализа теории экспертизы предлагается выражение основных ее положений в ряде базисных предложений, сопровождаемых комментариями. Обращение к подобной методологии, с точки зрения автора, должно помочь очистить теоретические основания архивной практики в Беларуси от ряда существующих в настоящее время противоречий.

The main idea of the article is to explore the perspectives and possibilities which can be open to the archival science with use of some methods of analytical philosophy. Appraisal of documents was chosen as an example for that kind of research because of author's practical experience in that sphere. As a result of the logical analysis of contemporary theory of appraisal author creates a chain of basic propositions with comments. From the author's point of view this methodology can be effective in solving some theoretical contradictions of archival science in Belarus.